

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ЯДРО НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Многообразие социальных теорий усиливает фрагментарность восприятия общества. Фрагментарность лишает смысла поток социальной информации, снижая интерес к социальным исследованиям. Социальная наука становится похожей на книгу огромных размеров, которая все более недоступна для большинства. Люди, не имеющие отношения к большой науке, чаще обращаются за помощью к гороскопам, чем к социологам и политикам. Они хотели бы получить доступные ответы на простые вопросы: «В каком обществе мы живем? Чем я могу быть полезен для общества? С кем мне необходимо кооперироваться, а с кем нет?» Абстрактные и неискренние ответы социологов отнимают последнюю надежду у тех, кто лишен достаточного внимания к себе, чья вера на волоске от пропасти разочарования.

Самое опасное для социальных исследований то, что основная задача общественных наук – «получать упорядоченное знание социальной реальности», решается до предела тривиально. Социальную реальность социологи с самого начала понимают «не как субъективный, а как intersубъективный мир, т.е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык» [1]. Большинство социологов игнорируется тот факт, что общество – не только intersубъективное явление, но еще и «мое представление», основанное на активности сознания. Только благодаря признанию роли субъективности, «индивидуальность отдельного человека находит какое-то место в структуре всеобщности». Однако, «повсюду линия реальности скрыта под покровом социального обобщения, так что обнаружить ее в обществе с резкой социальной дифференциацией в принципе невозможно» [2].

Много веков ядром социальной парадигмы был дефицит. Философы и социологи не сомневались, что именно на дефиците произрастает специфическая система социального воспроизводства с повышенным значением власти в жизни общества. «Борьба» властей с разнообразными дефицитами оправдывает и наделяет смыслом социальную интеграцию свободных людей от неолита до наших дней. Эта типизация первого уровня «сближала» обывателей с теоретиками. Никто не сомневался, что не только природа человеческих потребностей, но и существование социального пространства обусловлено дефицитностью. «Пространство, точнее, места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в

различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе», – считает Пьер Бурдьё [3].

Действительно история полна примеров, когда «гении власти», умело манипулируя дефицитом, создавали потребность индивидуальности в социальной интеграции. Создается впечатление о том, что НОМО SAPIENS в руках дефицитократии легко превращаются в безумных НОМО SOCIUS. Казалось правдоподобным, что общество изобилия (бездефицитное) избавляет индивидуальность, как от принудительной, так и искусственной социализации. Время опровергает эту иллюзию. Например, современная украинская политика, по мнению известного украинского политолога Дмитрия Выдриня: «системный аналог бывших цеховских спецраспределителей, где под строжайшим секретом распределяли среди наиболее посвященных и приближенных к власти по себестоимости, а то и демпинговым ценам, наиболее желанные и лакомые (тогда называвшиеся «дефицитом») предметы потребления... Тренировались на ситуевых трусах, а оказалось, что механизм работает и с обээнгеро» [4].

Причина дефицитократии не в экономических или политических ошибках, а в уровне типизации социального. «Типизация зависит от моей «насуточной проблемы», для определения и решения которой этот тип был образован. Свойства и качества данного объекта или явления – будь то индивидуально-уникальное или типичное явление – зависят от моего актуального интереса и системы сложной переплетенных уместностей, от моей практической или теоретической «насуточной проблемы». Эта «насуточная проблема» в свою очередь возникает из обстоятельств, с которыми я сталкиваюсь ежеминутно, в каждый момент моей повседневной жизни и которые я решил назвать моей биографически-определенной ситуацией» [5].

Дефицит занял место ядра социальной парадигмы благодаря потребности дефицитократов доминировать и подчинять индивидуальности. Ядро социальной парадигмы очевидно и доступно. Это качества очевидных ресурсов, используемых в качестве отдельных средств, эффективных методов и продуктивных социальных технологий. Высокая операциональность понятия «дефицит» позволила экстрapolировать практически на все сферы социальной жизни. Особенно операционально проявилось понятие дефицита на предметном уровне. Голод, как разновидность дефицита в обмене человека с природой веществом, вместе с искусственным дефицитом сексуального удовлетворения – создали самое знаменитое клише: «Любовь и голод правят миром!»

Виртуозы власти эпохи дефицитократии «на грани архаики и модерна» столкнувшись с «расколом суперцивилизаций». «Раскол» как некая

постоянная, ползучая, а иной раз в огне и крови вырывающаяся на поверхность жизни война между ценностями традиционного общества, традиционного быта, «традиционного космоса» [6]. На грани архаики и модерна классическая парадигма социального вступает в конфликт с парадигмой информационного общества. Это общество, в котором мы живем. Нашему поколению открылась та самая «линия реальности», скрытая под покровом социального обобщения в обществе с резкой социальной дифференциацией. Демократизация общественной жизни открыла то, что ядром социальной парадигмы является не дефицит, а неопределенность.

Для специалиста в области социальных наук принцип неопределенности может иметь два смысла:

во-первых, социальная реальность, в силу своей природы, не может быть полностью познанной и однозначно предсказуемой;

во-вторых, сам акт наблюдения изменяет в социальной реальности то, что наблюдается.

Не экстраполяция принципа Гейзенберга оказала существенное влияние на социальную науку, а изменения социальной дифференциации.

Неопределенность отношений HOMO SAPIENS определяла общественное развитие, несмотря на официальную парадигму дефицитократии. Наиболее очевидное проявление неопределенности получила в способах преодоления. Самый доступный способ преодоления неопределенности – следование традициям. Традиционное поведение снимает дискомфорт с помощью высокой прогнозируемости. Оправдываясь, ожидания в традиционных схемах взаимодействия практически полностью устраняют неопределенность. В архаическом обществе степень оправданности традиционного поведения детерминируется лишь качеством исполнения социальных ролей.

В условиях динамичного общественного развития эффективность традиционных стереотипов снижается. Их место обязана занять позитивная информация о нормах поведения. Однако инверсия «традиции – позитивная информация» не всегда возможна и необходима. «На грани архаики и модерна» возможна медиация между традициями и информацией. Формой медиативного развития может быть интеграция недостаточно информированного субъекта с более «продвинутыми», успешными или динамичными субъектами. Право субъекта переходного периода может быть использовано с большей или меньшей эффективностью. Видимость или сознательная имитация «успешности» одного из субъектов может превратить интеграцию как в величайшую социальную, так и персональную трагедию.

HOMO SOCIUS может стать продуктом банальной непоследовательности в выборе стратегии преодоления неопределенности. Примером такой непоследовательности может служить национал-

демократическое движение. Пытаясь соединить традиционные национал-демократические идеалы с парадигмой «позитивной информированности», оно впадает в противоречие и еще более тяжелые испытания, чем при последовательном традиционализме или последовательном модернизме.

Не менее тяжелым может оказаться политика неприсоединения, основанная на переоценке собственных возможностей. Вступая на путь последовательного модернизма, общество обязано отдавать себе отчет в том, что возвращение к традициям, как средству преодоления неопределенности будет недостижимо. Взвешенная позиция на «границе архаики и модерна» – продукт глобального анализа состояния дел, оценки общественных ресурсов и разработки стратегии социального развития. Индивидуальное обязано быть согласовано с типичным и социальным по сложному алгоритму. Разработка этого алгоритма – задача не только профессиональных социологов, но и носителей обыденного сознания. Для решения этой задачи не допустима дифференциация на авторов и любителей. Задача разрешима только в реальном общественном соавторстве. Общество настолько реально, насколько мы интересны друг другу.

1. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. Электронная версия: <http://www.nsu.ru/psych/internet/>

2. Георг Зиммель. Избранное. Том 2. Созерцание жизни - М.: Юрист, 1996. – С.516. Электронная версия: <http://sociology.agava.ru>

3. Бурдьё П. Социология политики; Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко / - М.: Socio-Logos, 1993.

4. Выдрин Д. Невозвращенцы-3. Записки весеннего ипохондрика / Зеркало Недели. № 13 (438), 5-11 апреля, 2003.

5. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. Электронная версия: <http://www.nsu.ru/psych/internet/>

6. Ахмезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 123.

Summary

Instead of traditional, «deficit» of social integration paradigm it is offered «information» social paradigm. The necessity of social integration is reduced to need of overcoming of indeterminacies which occur during individual interaction.